

СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ

ДЕСАНТНАЯ ОПЕРАЦИЯ В УСТЬЕ РЕКИ СОЧА-ПСТА (13 АПРЕЛЯ 1838 г.): ПОДГОТОВКА И ПРОВЕДЕНИЕ

ЧЕРКАСОВ А. А.

LANDING OPERATION IN THE SOCHA-PSTA ESTUARY (13 APRIL, 1838): PREPARATION AND LAUNCH

SHERKASOV A. A.

The article, basing on archival, autobiographic and personal materials considers landing operation in the Socha-Psta estuary preparation and launch.

В статье на основе архивных и мемуарных материалов рассматриваются подготовка и осуществление десантной операции в устье реки Соча-Пста.

Keywords: Socha-Psta, Ubykhs, landing, General Simborsky, James Bell.

Ключевые слова: Соча-Пста, убыхи, десант, генерал Симборский, Джеймс Белл.

УДК 93/94

Становление русского военного присутствия на территории современного Сочи связано с событиями апреля 1838 г., когда была спланирована и проведена десантная операция по созданию очередного форпоста.

Этому событию предшествовали внешнеполитические процессы. Так, после заключения между Россией и Турцией 2 сентября 1829 г. Адрианопольского мирного договора восточное побережье Черного моря от устья р. Кубань, близ Анапы, до Поти отошло к России. Однако сопротивление горских племен не позволило России сразу же воспользоваться своим приобретением. Начиная с этого времени, русские неуклонно продвигались вперед, строя на завоеванной территории укрепления. Из 17 таких укреплений, возведенных с 1830 г. по 1842 г., и была образована Черноморская береговая линия, задачей которой стала охрана побережья Черного моря от турецкой и другой иностранной агрессии.

Еще до начала строительства на территории Черноморского побережья русских укреплений здесь начала сказываться английская пропаганда, направленная против русских. Один из таких случаев произошел в июне 1837 г. во время сбора близ урочища Вардан (ныне населенный пункт Вардане) представителей племен натухайцев и шапсугов, цель которых была вступить под покровительство России. На этот сбор внезапно прибыли два англичанина и

вручили от английского короля знамя и «грамоту» с обещанием покровительства Англии и Паши Египетского. Вместо покорности горцы приняли решение умереть за свою независимость. Англичанами были Белл с товарищем. Они продолжали свою деятельность и в последующем, включая поставки оружия из Турции [1].

21 сентября 1836 г. начальником 1-го отделения Черноморской береговой линии был назначен генерал-майор Раевский. Ему были подчинены укрепления по всему побережью до Гагр и вменялось в обязанность управление прибрежными горцами.

Однако официальное открытие Черноморской береговой линии состоялось 23 мая 1839 г., тогда она была разделена на два отделения:

- от устья реки Кубани до форта Александрии;

- от Александрии включительно до границы Мингрелии.

Начальником всей линии оставался генерал Раевский. Начальником 1-го отделения был назначен контр-адмирал Серебряков. Начальником 2-го отделения – генерал-майор Ольшевский, последнему была дана власть командовать всеми русскими войсками в Абхазии.

В 1837 г. император Николай I, посетив Кавказ, обратил внимание на незаконченность Черноморской береговой линии и распорядился, чтобы часть сил Кавказского армейского корпуса была направлена для устройства укреплений и фортов. Строительство укреплений предусматривалось в тех участках побережья, которые служили пристанищем для иностранных судов и местами их торговли. К северу от мыса Константиновского (Адлер) необходимо было укрепиться в устье реки Соча, Туапсе или другом месте. В районе укрепления надлежало ликвидировать местные аулы, дабы уберечься от агрессии с их стороны.

Представленный бароном Розеном план боевых действий на 1838 г. включал десантные операции с двух сторон – от Черномории [2] и Абхазии. Данный план был высочайше утвержден императором, однако исполнение его пришлось осуществлять приемнику барона Розена генерал-лейтенанту Головину.

Со стороны Черномории командующим русским десантом был назначен генерал-лейтенант Вельяминов, со стороны Абхазии – десант генерал-майора Симборско-

го, которому и было поручено укрепиться в устье Соча.

Подготовка, высадка и закрепление на плацдарме заняли 18 дней, т.е. с 1 по 18 апреля 1838 г. В десанте под общим командованием, как уже отмечалось, генерал-майора Симборского принимали участие следующие воинские части:

- 2 батальона Мингрельского егерского (впоследствии 16-го гренадерского Е.И.В. великого князя Дмитрия Константиновича) полка;

- 3 батальона Эриванского карабинерского (впоследствии 13-го лейб-гренадерского Эриванского Его Величества) полка;

- 1-я пионерская рота Кавказского саперного батальона;

- сводно-горная батарея.

Помимо этих частей были задействованы Имеритинская, Абхазская, Гурийская и Мингрельская милиция [3]. Таким образом, больше половины регулярных войск представляли части Эриванского карабинерского полка. Общая же численность десантной группы составляла ориентировочно от 3 тыс. до 3,5 тыс. чел. [4]. Командование десантной эскадрой осуществлял контр-адмирал Артюков.

Пожалуй, одним из самых главных источников о событиях апреля 1838 г. являются дневниковые записи командующего русским десантом со стороны Абхазии генерал-майора Симборского. Он подробно описывал события того времени, стараясь оценивать происходящее объективно.

Так, в своем дневнике генерал Симборский отмечал, что 1 апреля все регулярные войска вверенного ему отряда прибыли на сборный пункт к крепости Сухум-Кале и расположились лагерем на левом берегу реки.

«2 и 3 числа. Дан им (войскам. – А.Ч.) необходимый отдых. В эти дни прибыли на Сухумский рейд к имеющимся уже судам линейные корабли «Императрица Екатерина II», «Иоанн Златоуст» и «Чесьма».

4, 5 и 6 числа. Войска занимались печением хлеба и сушением сухарей. Присоединились к отряду Имеритинская, Гурийская, Мингрельская милиции. 5-го числа бросил якорь у Сухума пароход «Колхида» [5].

Таким образом, для участия в десантной операции были задействованы серьезные морские силы, основой которых являлся, разумеется, парусный флот. Наличие линейных кораблей в эскадре означа-

ло предвидение русским командованием ожесточенного сопротивления противника.

Для проведения последних рекогносцировочных мероприятий генерал-майор Симборский и контр-адмирал Артюков 7 апреля вышли в море на пароходе «Колхида». Их целью было обозрение побережья Черного моря к северу от Константиновского мыса и окончательное избрание нового пункта для высадки. В ходе изучения местности был выбран район для высадки – устье реки Соча-Пста. Генерал-майор Симборский так обосновывал свое решение:

«По собранным сведениям о значительности населения горцев долины, по которой протекает река Соча-Пста, жительстве на ней близ устья одного из знаменитейших черкесских князей Аубла-Ахмета и о торговых сношениях его с турецкими подданными положено мною сделать высадку на этом месте. Пароход же, по обозрении берегового пространства, продолжал плавание далее, останавливаясь против урочищ Мамаю, Вардана, Обиш, Харипша и Пшага, дабы скрыть от горцев место действительной высадки. Войскам предписано окончить хлебопечение и пересушку сухарей» [6].

Помимо этого, существовали и другие причины. Так, лейтенант Суцев в своих записках отмечал, что турки производили самую деятельную контрабанду с горцами именно у реки Соча [7].

Последние приготовления перед высадкой происходили в период с 8 по 11 апреля, о чем имеются соответствующие записи в дневнике генерала Симборского:

«8-го числа. Пароход возвратился в Сухум-Кале. Войска начали грузить свои тяжести и оканчивали изготовление сухарей.

9-го числа. Прибыли из Одессы на Сухумский рейд три зафрахтованные для отряда купеческие корабли и с тем вместе представилась возможность перевести все войска в одно время. Полки и команды окончили хлебопечение и сушку сухарей. В этот же день присоединилась к отряду абхазская милиция.

10-го числа. Привезено ожидаемое из Тамани сено, необходимое во время плавания для продовольствия лошадей и порционного скота и в этот же день перегружено на суда, назначенные для десанта. Войска окончили погрузку тяжестей.

11-го числа. Отряд посажен на суда и в 12 час. ночи, имея попутный ветер, эскадра снялась с якоря» [8].

Однако плавание несколько затянулось, так как 12 апреля по причине безветрия эскадра остановилась вблизи Константиновского мыса, где оставалась до следующего утра, и только после этого днем достигла устья реки Соча-Пста [9].

После этого события начинают развиваться стремительно... В 3 часа пополудни 13 апреля 1838 г. русская эскадра прибыла к устью реки Соча-Пста, где, выстроившись в боевой порядок, стала на якорь в 250 саженях от берега. Корабли были выстроены в две неодинаковые по количеству судов линии. В центре ближайшей к берегу длинной линии были выставлены три линейных корабля (включая флагман), на которые возлагалась обязанность подавления огневого сопротивления горцев. В это же время первая часть десанта, посаженная на гребные суда, собралась в надлежащем порядке за флагманским кораблем. В три с половиной часа с флагмана был дан сигнал открыть с военных судов огонь по берегу, усеянному завалами и занятому неприятелем, а в четыре часа первое отделение десантных войск было уже на берегу, затем, устремясь на высоту, расположенную правее от места высадки, заняло ее покатость и часть плоской вершины, невзирая на отчаянное сопротивление горцев.

Генерал Симборский был в первых цепях и прибыл на берег сразу за первой частью десанта. Какова же была обстановка на берегу? «Неприятель, скрывавшийся в ущелье на противоположной стороне высоты, усиливался с каждым мгновением. Абхазская милиция, занявшая берег близ самой кручи, падающей отвесно к стороне моря, была отброшена и спустилась обратно в долину; 3-я карабинерская рота Мингрельского егерского полка удерживалась еще на вершине горы и успела взвести туда одно горное орудие; 7-я и 8-я егерские роты, составляя переднюю цепь, соединялись правым флангом с ротой, занявшей гору, и подкрепленные имеритинской и гурийской милициями, под начальством Нижегородского драгунского полка капитана Плац-Бок-Кокума, вели жаркую перестрелку с черкесами, засевшими по лесистому скату, составляющему почти прямой угол с вышеупомянутой горой; левый фланг, обеспеченный рекою Соча-Пста, прикрывала 9-я егер-

ская рота, 2-й батальон Мингрельского егерского полка только что успел выйти на берег и выстроиться в колонну.

Видя опасное положение пехоты правого фланга, увлеченный чрезмерной пылкостью, я подкрепил ее немедленно двумя ротами второго батальона и взводом горной артиллерии, а вслед за тем и остальными двумя. Меры этой было достаточно, чтобы стать твердой ногой на вершине горы и занять большую половину разбросанного по ней селения Соча, места пребывания Аубла-Ахмета. Между тем, невзирая на быстроту, с которой направленное подкрепление заняло вершину горы, 3-я карабинерская рота была отгеснена многочисленным рвавшимся к реваншу неприятелем, причем горный единорог, ущемленный деревьями, остался в его руках. Артиллерии подпоручик Змиев, командир расчета горного единорога, действуя с редкой неустрашимостью, получил тут смертельную рану и был снесен с горы уже мертвым.

Чтобы завершить занятие всей плоской поверхности горы и находящегося на ней селения, посланы мною за предыдущими еще две роты Эриванского карабинерского полка, при двух легких орудиях 3-й легкой батареи. С этим вместе неприятель был прогнан с вершины и покатою с горы, на которой два батальона Мингрельского егерского полка расположились биваками, остальные войска заняли пространство между подножьем горы и рекою, наблюдая фронтом лежащую перед ними долину, левым флангом противоположный лесистый берег Сочи-Псты.

Таким образом, по трехчасовом деле кончилось занятие предназначенного отряду места. С нашей стороны убито сухопутных войск: сводно-горной батареи подпоручик Змиев, пехотных полков унтер-офицеров – 3, рядовых – 27. Ранено: генерального штаба капитан Глинка, Мингрельского егерского полка подпоручик Дубовский, пехотных полков – унтер-офицеров 12, рядовых 114; ... казачьего войска – урядник 1, казаков 3; пионеров – прапорщик князь Микеладзе, урядников 5, рядовых 37; флотские – капитан-лейтенант Хомутов, лейтенант Крачников, унтер-офицеров 3. Потери неприятеля убитыми и ранеными должны быть чрезвычайно тяжелыми, несмотря на то, что на месте сражения оставлено ими только 2 тела, взято у него 3 человека, из которых 2 умерли от ран» [10].

Таким образом, всего в ходе высадки десанта русские войска понесли потери убитыми 31 чел., а ранеными 133. О потерях противника, как отмечал генерал Симборский, судить трудно, так как черкесы, согласно действующим обычаям, были обязаны стремиться забирать с поля боя своих убитых и раненых.

Генералу Симборскому вторил лейтенант Суцев. Он отмечал, что взятие Сочи было одним из самых тяжелых дел по всей Черноморской береговой линии. «Много русских легло при высадке десанта, и между ими наш храбрый Змиев, офицер морской артиллерии, с героическим самоотвержением отстоявший свое орудие. Когда вся прислуга пала вокруг его, он не переставал заряжать сам орудие и стрелял неприятеля удачно, пока кровь из ран не истощила его, но и тогда непобедимая моральная сила его не оставила. Он обхватил орудие одной рукой и с саблей в другой оставался защищать, ожидая подкрепление. Налетевшие горцы искрошили его пашками на самом орудии, но подошли казаки и отбили у них пушку, и это было последней наградой храброму Змиеву» [11].

Информация о том, что у генерала Симборского во время штурма горцы захватили орудие, быстро дошла до штаба Черноморской береговой линии. Этот случай стал «антивизитной карточкой» генерала, и он очень не любил о нем вспоминать.

Имеются и другие свидетельства о штурме, например, будущего генерал-лейтенанта русской армии Рукевича. 13 апреля 1838 г. он участвовал в штурме, будучи рядовым-новобранцем. Вот что он писал об этом деле: «Около трех часов мы подошли к Сочи. Невысокий берег тут наступался и образовал широкую долину, по которой текла горная речка Соча-Пста. В глубине долины зеленели лесистые горы, а еще дальше сверкали снежные вершины. Вдруг на флагманском судне поднялось несколько флагов, часть матросов бросилась вверх по снастям убирать паруса, а другая завозилась у орудий, спешно их заряжая. Между тем корабли перестроились в две колонны: сажень в ста от берега выстроились боевые корабли, прикрывая собою транспортные суда. Еще взвились новые флаги, открылись боевые люки, выдвинулись орудия и началась частая бомбардировка видневшегося на возвышенной террасе берега аула. После

бомбардировки нам казалось, что ничего живого не могло там остаться. В это время со стороны транспортных судов, спускались лодки и в них садились войска, назначенные в десант. Наступила торжественная минута!

Орудийная стрельба сразу смолкла, все ванты судов разукрасились разноцветными флагами, раздались звуки величавого гимна, лодки выплыли из-за прикрывавших их от взоров черкесов кораблей и помчались к берегу. Неприятель, очевидно рассеянный нашими выстрелами, не встретил нас огнем. Ступив на твердую землю, мы начали выстраиваться в две колонны. Одна из них, состоявшая из двух рот Эриванского полка, должна была наступать между рекой Сочи и возвышенностью, на которой находился аул, а другая из двух рот Мингрельского карабинерского [12] полка наступала на ту же возвышенность, пользуясь лесистым оврагом, расположенным южнее по берегу. Мне, в качестве охотника-разведчика, довелось идти с мингрельцами.

Мы, охотники, опередив колонну, первыми со стороны оврага с криками «ура» ворвались в аул. Окружающий его палисад из плотно сбитых толстых бревен был местами разрушен нашей бомбардировкой. Аул был безлюден. Серьезное настроение солдат сменилось шутливым, и многие занялись ловлей черкесских кур, а я стал привязывать на длинный шест цветную тряпку, чтобы, подняв ее, как флаг, возвестить о занятии нами, несколькими разведчиками, аула. Вдруг сзади раздался болезненный крик, за ним другой... Оглянувшись, я увидел страшную картину: словно из-под земли выросшие человек тридцать горцев бешено сновали между нашими солдатами и рубили их шашками и резали кинжалами. Собраться в кучу для отпора было уже поздно. Мы, четыре оставшихся человека, стали отступать к обрыву над морем. Отбиваясь штыком, я ринулся вниз с пятисаженной высоты сквозь кусты колючек и упал на песок берега. Когда я пришел в сознание, то обнаружил, что все у меня цело, но окружающие рассказали мне о драме, которая произошла в овраге с основной колонной. На нее из-за деревьев напали массы горцев, и только вмешательство подоспевших на звуки боя эриванцев прекратило резню. С нашей стороны вышло из строя до 200 человек, из них 70 были убиты и между ними офи-

цер, возглавлявший эту колонну, а также было потеряно орудие.

К вечеру мы совершенно овладели всей эксплонадой, на которой находился аул, и саперы приступили к рубке вековых деревьев для устройства временного укрепления» [13].

После удачной операции генерал Симборский отмечал храбрость своих солдат, пытаясь выделить особо отличившиеся части:

«Войска наши, участвовавшие в этом деле, оспаривают ... преимущество на справедливо заслуженные ими похвалу и одобрение. Храбрость одушевляла всех и каждого. Причем строгая справедливость требует сказать то же самое о милициях и флоте, разделивших все труды и опасности; из милиции должно, однако, отдать первенство имиритинской и гурийской, как более употребленных в огне, из флотских офицеров и нижних чинов тех, которые находились на гребных судах и в особенности высадившими с первым десантом на берег.

Усердие предупредить все нужды сухопутных войск, блестящие распоряжения командовавшего десантной эскадрой контр-адмирала Артюкова и отрядом судов, крейсирующих у берегов абхазских, обязывает меня свидетельствовать здесь, что вверенный мне отряд одолжен им весьма много в успешном занятии Сочи» [14].

Будет небезынтересно представить взгляд на операцию и с той стороны фронта. Во время десантной операции в долине Саш присутствовал английский эmissар Джеймс Белл, который оставил по этому делу свои дневниковые записи. Белл отмечал, что после того, как началась артиллерийская подготовка, горцы покинули прибрежный завал и отошли на правый берег реки под прикрытие «неровности местности». «В это время вражеские шлюпки заполнялись людьми прямо в открытом море (что, кстати, и маскировалось интенсивным огнем флота); затем шлюпки достигли устья реки и высадили на берег крупный отряд с несколькими пушками, пока две или три сотни самых храбрых и самых ловких черкесов успели пройти по кочковатым лесным тропам (так как прибрежная полоса стала непроходимой под огнем флота), перейти вброд реку и устремиться с саблями на высадившихся на берег солдат. Но отчаянная попытка этого небольшого числа храбрых

воинов имела своим единственным итогом, как это чаще всего бывает, самопожертвование самых лучших и самых храбрых; так как, хотя они и убили около ста пятидесяти врагов, захватили в плен двадцать человек и три пушки, русские тем не менее не покинули места своей высадки. Приблизительно семьдесят или восемьдесят дворян и других самых влиятельных среди черкесов лиц, кроме определенного числа других, менее знатных их представителей, были убиты или ранены в этом бою, а во время оружейной пальбы общие потери черкесов составили от трехсот до четырехсот человек. Из трех захваченных пушек пришлось оставить две, слишком тяжелых, чтобы переправить их на виду у противника через неровное и труднопроходимое место. Они были брошены в ров или яму, где, вероятно, были вновь найдены русскими» [15]. Джеймс Белл довольно серьезно дополняет рассказ непосредственных участников сражения: во-первых, историю со злополучным оружием, а также добавляет, что были захвачены и еще две пушки. Во-вторых, неподтвержденными являются данные о 20 пленных. Хотя, как нам кажется, исключать такую возможность нельзя. В-третьих, здесь фигурируют конкретные цифры потерь с обеих сторон. На первый взгляд, русские потери кажутся завышенными, но если объединить убитых и раненых, то мы приходим к цифре, близкой к указанной горцами. Если учесть, что поле битвы за горцами не осталось, то требовать от них большего качества подсчета потерь нельзя. В то же время горцы обозначили свои потери, то есть те цифры, которые остались десантом не учтенными.

Тем не менее до полной победы русскому десанту еще было далеко. Однако последующие события резко отличались от первого штурма, так как русскими войсками были свезены на берег горные и легкие орудия. Техническое превосходство русских войск свело к нулю численное превосходство противника.

Генерал Симборский отмечает: «14-го числа. Вершины ближайших гор были усеяны неприятелем: и пеших, и конных тянулись по гребню со стороны Мамайя. Вследствие того, что горцы, ожидая высадки нашей и у Мамай-Кале [16], имели 13 числа половину сборищ своих при этом месте, которая потому и не участвовала. Отряд оставался на местах, занятых предыдущим днем, и начал очистку леса, раскинутого по долине и окрестностям снежных гор.

Черкесы, поражаемые картечным и ружейным огнем, не оставили беспокоить стрелковые цепи и резервы, прикрывающие наших рабочих. При этом ранено у нас Эриванского карабинерского полка поручик М., Мингрельского егерского полка унтер-офицеров 1, сводно-горной батареи фейерверкер 1» [17].

На следующий день рабочие отряды продолжили расчистку местности от завалов и колючек, которых горцы постоянно пытались использовать для проведения засад. Одновременно с этим происходило исправление ложементов русского лагеря, выравнивались покатоности и началось корчевание деревьев на возвышенности, предназначенной для укрепления.

В то же время горцы (в основной массе это была молодежь возраста 12–17 лет) продолжали осуществлять перестрелки с русскими сторожевыми цепями. В ходе этих обстрелов был ранен один унтер-офицер Мингрельского егерского полка [18].

К 16 апреля горцы прекратили сопротивление в районе устья реки Соча-Пста, окружив русское укрепление сторожевыми постами. Таким образом, всего в ходе десантной операции потери русских войск составили убитыми и ранеными почти 200 солдат и офицеров. При этом потери горцев можно определить за все дни открытых боевых столкновений примерно в 500 человек. Основными причинами осуществления десантной операции с минимальными потерями стало техническое превосходство русских над неприятелем.

Примечания:

1. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 260. Оп. 1. Д. 20. Л. 2; См.: Каратаев В.Б., Черкасов А.А. Форт Головинский: от десантной операции до создания укрепления (1939 г.) // Вестник СГУТиКД. 2008. № 1–2. С. 178–182.
2. Старая линия обороны на территории Кубани.
3. ГАКК. Ф. Р-411. Оп. 2. Д. 239. Л. 117.

4. ГАКК. Ф. Р-411. Оп. 2. Д. 239. Л. 122.
5. ГАКК. Ф. Р-411. Оп. 2. Д. 239. Л. 119об.
6. ГАКК. Ф. Р-411. Оп. 2. Д. 239. Л. 120.
7. Архивный отдел администрации города Сочи (АОАГС). Ф. Р-348. Оп. 1. Д. 15. Л. 87.
8. ГАКК. Ф. Р-411. Оп. 2. Д. 239. Л. 120.
9. ГАКК. Ф. Р-411. Оп. 2. Д. 239. Л. 120.
10. ГАКК. Ф. Р-411. Оп. 2. Д. 239. Л. 120–120об.
11. АОАГС. Ф. Р-348. Оп. 1. Д. 15. Л. 87–88.
12. Мингрельский был егерским полком, а Эриванский карабинерским.
13. ГАГС. Ф. Р-279. Оп. 1. Д. 61. Л. 12–14.
14. ГАКК. Ф. Р-411. Оп. 2. Д. 239. Л. 120об.
15. Джеймс Бэлл. Дневник пребывания в Черкесии в течении 1837–1839 годов. В 2 т. Т. 2. Нальчик, 2007. С. 13–14.
16. Мамай-Кале – остатки крепости в нынешнем районе Мамайка.
17. ГАКК. Ф. Р-411. Оп. 2. Д. 239. Л. 120 об.
18. ГАКК. Ф. Р-411. Оп. 2. Д. 239. Л. 120 об.

Сведения об авторе:

Черкасов Александр Арвелодович,
д-р ист. наук, профессор, зав. кафедрой истории и культурологии СГУТиКД (Сочи).
E-mail: sochio03@rambler.ru

